

Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии
Итоговый экспертно-аналитический доклад по проекту РФФИ № 16-07-00024¹

1. Поглощение, сопряжение или конфликт? Российско-китайская евразийская повестка. Экспертный дискурс - «Один пояс, один путь»

Состоявшийся XIX съезд КПК в Пекине затронул проблематику «Одного пояса, одного пути». В выступлении китайского лидера, в частности, говорилось, что инициатива нужна для «создания торговой и инфраструктурной сети, связывающей Азию с Европой и Африкой вдоль и за пределами маршрутов древнего Шелкового Пути»² Фактически, инициатива рассматривалась в докладе и как отчет об успехах ее реализации и, как план на ближайшее пятилетие.

В российском экспертном сообществе потенциальные социально – экономические выгоды инициативы рассматривают с точки зрения возможной диверсификации китайского проекта. Т.е., использование не только инфраструктурных / транспортных проектов, но и других направлений, которые неизбежно будут сопровождать развитие «шелкового пути». Уже сегодня эксперты называют 8 треков «Одного пояса...» транспортный, банковский, инвестиционный, торговый, туристический, гуманитарный и др.

В то же время процесс сопряжения с позиций социально-экономического взаимодействия, на примере ЕАЭС, «Одного пояса..», ШОС и других «стыков» пока представлен в российских работах достаточно схематично. И сценариев, в которых анализируются отрицательные стороны сопряжения - поглощение сильными предприятиями слабых, разорение местной промышленности и др., пока немного. Отдельные российские эксперты пытаются (А.Г.Ларин, И.Е.Денисов) осветить проблемные компоненты российско-китайского или китайско-центрально-азиатского сопряжения. Но целостной картины еще не сложилось.

В России на экспертном уровне пока отсутствует полное понимание характера и направленности «внутренних» механизмов такого сопряжения и возможных внешних вызовов и угроз для подобного проекта. Это и вызовы исламского фундаментализма (Исламское Государство), и гипотетические варианты экономического поглощения Китаем части Евразии, а так же возможные конфликты интересов ключевых акторов (РФ, КНР, Индии, Пакистана, Афганистана, Казахстана и р.), в ходе реализации предполагаемого сопряжения.

Возможно, необходима структуризация / классификация потенциальных вызовов и угроз от процессов сопряжения, анализ профильных сфер (транспорт, инфраструктура, инвестиции, гуманитарные треки и др.) и экспертное обоснование относительно реальности одних и искусственности других угроз.

Позиция, которая не вызывает возражений и дискуссий у большинства российских экспертов связана с констатацией того, что выдвинутая китайским руководством концепция «Одного пояса» свидетельствует о серьезном обновлении региональной и глобальной политики КНР. Что важной с точки зрения национальных интересов России в Евразии является попытка сближения трех соседних проектов – ЕАЭС, ШОС и ЭПШП, позволяющей говорить о возможной перспективе формирования долгосрочной евразийской политики России.

1 Работа выполнена при поддержке РФФИ /РГНФ , проект № 16-07-00024

2-http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm

При этом в ряде работ совершенно справедливо просматривается сценарий создания структуры взаимодействия, в которой бы ШОС играла связующую роль между китайской инициативой и ЕАЭС³. Подобный подход позволяет значительно снизить возможности экономического доминирования Китая и сохранить традиционные позиции России в Центральной Азии без ущерба евразийской интеграции и собственно двусторонним российско-китайским отношениям.

Обсуждение вопросов участия различных стран, прежде всего соседей Китая, в инициативе «Один пояс – один путь» становится важной содержательной частью двусторонних отношений КНР практически со всеми государствами Евразии. В 2016 г. Посол КНР в РФ Ли Хуэй заявлял, что Россия как крупнейший сосед и стратегический партнер Китая является важным участником общего строительства Шелкового пути, имея при этом существенные преимущества⁴.

Среди приоритетных задач сопряжения – содействие созданию целого ряда зон свободной торговли, развитию инвестиций, упрощению процедур торговли и строительству трансграничных парков. При этом, по мнению ряда экспертов, существуют различия в приоритетах двух сторон при осуществлении сопряжения ЕАЭС и «Шелкового пути». Китай отдает приоритет упрощению торгового и инвестиционного режима между сторонами. В свою очередь, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) рассчитывает на развитие взаимодействия с Китаем и осуществление работы по сопряжению по трем основным векторам: строительство новых и модернизация старых транспортных коридоров в Евразии; заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем; формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем.

Можно выделить не менее шести транспортных маршрутов в рамках «Одного пояса...», представляющих интерес для стран ЕАЭС: 1) планируемый РФ и КНР высокоскоростной железнодорожный коридор «Пекин – Москва»; 2) связка «Китай – Монголия – Россия»; 3) «Китай – Центральная Азия – Западная Азия»; 4) «Китай – Индокитайский полуостров»; 5) «Китай – Пакистан»; 6) «Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма».

Хотя российские и китайские ученые выделяют и иные маршрутные схемы⁵, в целом общая направленность представленных маршрутов совпадает, причем данная сеть уже концептуализована в КНР: «дунвэнь – бэйцян – нанься – сицзинь» (东稳 北强 南下 西进) – «стабилизироваться на востоке – укрепляться на севере – спускаться на юге – продвигаться на западе». Эта доктрина может рассматриваться как долговременная китайская стратегия транспортного выхода за пределы Поднебесной, активно реализуемая председателем КНР Си Цзиньпином. Для Москвы актуальным представляется элемент «укрепляться на севере», что скорее всего означает желание Пекина постепенно и на долгий срок создавать в России (на севере) транспортно-логистические центры и осуществлять инвестиции в инфраструктурные проекты, что отвечает и российским интересам.

25 июня 2016 г. ЕЭК и Министерство коммерции КНР подписали совместное заявление о запуске переговорного процесса по подготовке всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и КНР⁶. Его основные разделы включают таможенное, техническое, санитарное, ветеринарное и фитосанитарное регулирование, защиту интеллектуальной собственности и конкуренции и электронную торговлю.

3 Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь, №7, 2014.- URL http://igpi.ru/bibl/other_articl/1406820606.html

4 <https://ria.ru/world/20160119/1361667155.html>

5 Лузянин С.Г., Сазонов С.Л. Экономический пояс Шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель / Observer/- №5 (304).- Май 2015.- С.40-43

6 <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-08-2016-1.aspx>

Стороны также планируют создать «институты комплексного взаимодействия». В сельском хозяйстве, промышленности, энергетике, транспорте и коммуникациях и инфраструктуре должны появиться «общие форматы по проектам общего интереса»⁷. Как заявил (на тот момент) председатель Коллегии ЕЭК Т. Саркисян, переговоры между сторонами идут интенсивными темпами. После согласования общих подходов к сопряжению ЕАЭС с ЭПШП в августе 2016 г. в Пекине состоялся первый раунд переговоров. Соответствующие встречи будут проходить раз в два месяца на уровне рабочей группы под руководством министра по торговле ЕЭК В. Никишиной⁸.

На первом этапе рассматривается заключение непреференциального соглашения, которое будет охватывать не только упрощение торговли и регуляторную область, но и отраслевое сотрудничество, в дальнейшем возможен выход на преференциальное соглашение. Согласно заявлению министра ЕЭК В. Никишиной, заключение непреференциального соглашения возможно уже в краткосрочной перспективе (2 года)⁹.

Российская сторона предлагает, помимо ведения переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве, на которых должны обсуждаться вопросы, находящиеся в ведении ЕЭК, запустить еще один трек переговоров по мерам нетарифного регулирования. Полномочия обсуждения этих вопросов не делегированы ЕЭК правительствами государств-членов ЕАЭС. Россия готова также проводить в рамках подготовки соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве переговоры по принятию мер тарифного регулирования, которые должны завершиться созданием зоны свободной торговли (ЗСТ), полагая, что этот процесс может быть завершён к 2030–2035 гг.

Китайская сторона обращает внимание на то, что ЕАЭС еще находится в стадии становления: если государства-члены Союза достигли согласия по ключевым вопросам торговли товарами, то в сфере инвестиций единые правила еще не сформированы. В связи с различными уровнями открытости стран ЕАЭС внешним инвестициям достижение соглашения с ЕАЭС по инвестиционному режиму представляется затруднительным для Китая. Также сохраняются затруднения в отношениях между Китаем и государствами-членами ЕАЭС в области торгового режима. ЕЭК уделяет приоритетное внимание крупным проектам, однако для их эффективной реализации необходимы институциональные гарантии и устранение торговых и инвестиционных барьеров. В частности, низкая эффективность и прозрачность процедур пограничного контроля выступает препятствием для продвижения региональной торговли и увеличения притока инвестиций. В странах-участницах ЕАЭС подготовка необходимой внешнеторговой документации и соблюдение процедур пограничного контроля сопровождаются значительными временными и финансовыми издержками. Приоритетом сотрудничества должно стать упрощение таможенных, карантинных и инспекционных процедур, развитие трансграничных перевозок и электронной коммерции. Основой для взаимодействия между Китаем и ЕАЭС по данному направлению может послужить Соглашение ВТО об упрощении процедур торговли.

Важным направлением взаимодействия для поднятия уровня торгово-экономического сотрудничества должно стать устранение тарифных барьеров. Создание ЗСТ позволит устранить существующие тарифные барьеры и понизить нетарифные барьеры, что даст положительные результаты не только китайским компаниям, но и предприятиям государств-членов ЕАЭС за счёт экспорта на китайский рынок, и в перспективе обеспечит рост ВВП Китая и стран Союза.

В развитии взаимодействия КНР со странами ЕАЭС китайские эксперты предлагают опираться на переговорный опыт Китая с АСЕАН и ЕС по вопросам торговых

7 kommersant.ru/doc/3023535

8 <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-08-2016-1.aspx>

9 <http://www.stanradar.com/news/full/20200-dogovor-obedinenija-eaes-i-shelkovogo-puti-mogut-podpisat-za-2-goda.html>

и инвестиционных режимов и правил. Так, основной темой переговоров Китая и АСЕАН выступают соглашения о создании ЗСТ. Отношения всестороннего стратегического партнерства с ЕС включают переговоры по двустороннему инвестиционному соглашению и разработку технико-экономических обоснований для создания ЗСТ между Китаем и ЕС. Стороны утвердили такие приоритетные направления взаимодействия, как упрощение процедур в торговле, сотрудничество в финансовой сфере, в промышленности, в сельском хозяйстве, в области транспорта, науке и технике, информационных технологиях и т.д. ЕС и Китай согласовали механизмы и принципы сотрудничества, обсуждают и реализуют конкретные проекты на двустороннем уровне. Подобная схема работы приносит положительные результаты и может быть учтена в ходе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем. Главным источником дорожной карты станут средне- и долгосрочные планы экономического развития государств, участвующих в инициативе. В то же время сторонам следует продвинуть общее планирование сопряжения и как можно скорее ввести оперативные программы действий. Для развития сопряжения России и Китаю следует создать транснациональные исследовательские группы и развивать академические обмены и совместные исследования по смежным темам, способные обеспечивать необходимую экспертную поддержку и высокую степень переработку.

24 августа 2016 г. на встрече председателя Коллегии ЕЭК Т.С. Саркисяна с бывшим тогда вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли была одобрена инициатива китайской стороны по созданию общего банка данных по запланированным и действующим проектам КНР и стран ЕАЭС, которые участвуют в процессе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Работа над созданием банка данных уже началась¹⁰. В марте 2017 г. ЕЭК объявила, что сформировала перечень приоритетных инфраструктурных проектов, которые будут реализованы на территории ЕАЭС и «поддержат формирование «Одного пояса...»¹¹.

Китай и государства-члены ЕАЭС уже создали прочную систему двусторонних контактов, где в рамках строительства «Шелкового пути» осуществляется сопряжение проектов национального развития. Речь идет, в частности, о сопряжении «Одного пояса...» с казахстанской программой «Светлый путь» (Нурлы жол) и Китайско-казахской программе индустриально-инвестиционного сотрудничества. Особая экономическая зона «Великий Камень» (Китайско-Белорусский индустриальный парк) – один из демонстрационных проектов китайской инициативы. Проекты в рамках этих программ уже находятся на стадии реализации, и китайская сторона считает, что они не должны включаться в списки проектов для сопряжения.

Сопряжение должно концентрироваться на тех областях, по которым государства-члены Союза уже достигли общего согласия, так как процессы сопряжения на двустороннем и на региональном уровне проходят различным образом. Данные шаги позволят еще больший синергетический эффект. Данный подход может не в полной мере находить поддержку у России, так как Москва хотела бы, чтобы приоритетной стороной для переговоров выступала ЕЭК, обеспечивающая учет национальных интересов всех государств-членов Союза.

При этом Россия и Китай считают, что стыковка ЕАЭС и «Один пояс...» не является единственным форматом взаимодействия для создания новой обстановки для устойчивого развития Евразии. Развитию региона может способствовать реализация инициативы Большого евразийского пространства, предложенной Россией.

10 <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-08-2016-1.aspx>

11 Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 1 марта 2017 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>

Можно сказать, что процесс расширения ШОС, включая вовлечение Индии, Пакистана и Ирана, - это укрепление российско-китайской (евразийской) версии хартленда. Принципиальным здесь является вопрос - насколько с политической и экономической точек зрения будет гармонична и самодостаточна строящаяся РФ и КНР новая система. Не будет ли в расширенном варианте структуры «Пояс – ЕАЭС – ШОС» тотального китайского доминирования.

С другой стороны, мы должны понимать, что китайская инициативы «Одного пояса...» вряд ли станет институализированным проектом. Скорее всего, она сохранит нынешнее качество процесса экономического, инвестиционного, транспортного и гуманитарного освоения евразийского пространства. В то время как ЕАЭС и ШОС четко ориентированы на дальнейшую институализацию и структурное укрепление / расширение.

Подобная эклектичность освоения Евразии для российских интересов не является принципиальным препятствием для повышения роли РФ здесь, а скорее, наоборот, становится объективной основой для усиления позиционирования России в качестве неформального координатора разнородных политико-экономических процессов. Особая роль выпадает РФ в сфере региональной безопасности.

Возвышение Китая - объективно выгодно России. Именно на глобальном и военно-политическом уровнях (в сфере безопасности, координации позиции в СБ ООН, проведение совместных военных учений и др.) у РФ с КНР образовалось больше точек совпадения и общих интересов, чем на менее развитом торгово-экономическом (двустороннем и многостороннем) пространстве.

На сегодняшний день, чтобы полностью нейтрализовать потенциальные вызовы и угрозы международного терроризма, одних китайских ресурсов явно недостаточно, особенно с учетом проникновения боевиков ИГИЛ в Афганистан и потенциальные зоны прохождения ЭПШП.

Аспект безопасности в транспортной сфере в Евразии, по словам российского китаиста И.Е. Денисова, является самым непроработанным. Причем, как отмечает российский китаист,- именно с этой стороны и возможны наибольшие риски. Они связаны не только с неопределенностью вокруг будущего Афганистана, активностью в регионе экстремистских сил, наркотрафиком и трансграничной преступностью, но и со сложными отношениями между самими государствами, лежащими вдоль «Одного пояса...» а также с политической нестабильностью в ряде этих стран. Данный набор узких мест, похоже, многими не принимается во внимание, хотя одного взгляда на линии маршрута транспортных коридоров, пересекающих почти весь евразийский материк, включая Центральную Азию и Ближний Восток, достаточно, чтобы стало ясно, что авторы проекта должны были в первую очередь подумать о риск-менеджменте¹².

Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов Пояса и Пути находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности. Каким образом Китай гарантирует безопасность своих проектов? Полного и убедительного ответа пока нив России, нив самом Китае, скорее всего, нет.

Причем, если сами региональные риски (в Афганистане, в Центральной Азии и др.) китайская экспертиза оценивает вполне адекватно, то способы управления ими пока видятся в полуфантастическом ключе. «Выглядит это примерно так,- пишет И.Е. Денисов,- поскольку концепция Шелкового пути основана на равноправии, уважении интересов и стремлении к всеобщему выигрышу, и отвергает мышление холодной войны, это, мол, неизбежно приведет автоматически к возникновению новых правил и стандартов. А механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного

12 URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>

сотрудничества, считают китайские аналитики¹³. Замечание И.Е.Денисова достаточно точное и справедливое.

Российскими экспертами подобный, китайский подход не разделяется. Наоборот, большинство экспертов считают, что в сегодняшней, сложной обстановке, когда менее чем за два года, экстремистская ИГИЛ (запрещена в РФ) стала главной террористической угрозой, организацией, противопоставившей себя традиционному миропорядку последних десятилетий, происходит своеобразное «окружение» ЭПШП террористическими силами. Особенно в регионах Центральной Азии и Афганистана, Пакистана, районах Ближнего и Среднего Востока.¹⁴

Завершение успешной операции российских Воздушно-космических сил (ВКС) в Сирии против ИГИЛ и их союзников стала показательной в плане упреждения ударов боевиков по регионам Центральной Азии и перемещения их в Афганистан. Возможно, что она (операция) косвенно повлияла и на эволюцию китайской позиции в плане перехода к более активным / упреждающим мерам против боевиков, включая совместное с Россией активное участие в Сирии.

Как известно, в КНР издан ряд законов о борьбе с внешними террористическими угрозами¹⁵, по которым китайские специальные вооруженные силы будут иметь право действовать за пределами границ Поднебесной.

Россию и Китаю так же беспокоят скрытые конфликты в отношениях ряда государств ЦА, вопросы территориального размежевания Каспийского моря, распределение воды и гидроэнергетических ресурсов¹⁶.

Для большинства российских экспертов ключевым дестабилизирующим фактором проекта ОПОП является рост религиозного экстремизма, фундаментализма и международного терроризма в зонах его потенциального прохождения.

Проведенный мониторинг ведущими российскими специалистами по региону Центральной Азии (ЦА) показал, что сеть зарубежных исламских экстремистских организаций и движение ИГИЛ в ЦА стремительно разрастается, включая районы приграничные к китайскому Синьцзяну¹⁷.

В этой связи для Центральной Азии и других беспокойных регионов подтверждается гипотеза проф. А.Д.Богатурова о том, что в современных условиях масштабные энергетические и транспортные проекты будут перманентно провоцировать международные конфликты, чью географическую конфигурацию будет сложно прогнозировать в отрыве от анализа политических рисков вдоль маршрутов пролегания трубопроводов¹⁸

13Денисов И.Е. Путешествие на запад. Экономический пояс Шелкового пути – воплощение "китайской мечты" в международном формате URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1427186400>

14Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Россия – Китай – Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы// Обозреватель/Observer.- 2016, февраль, №2 (313).- С.61

15В конце 2015 года в Китае был принят "Закон о борьбе с терроризмом КНР", в котором закреплено, что в соответствии с принципом верховенства закона и неотвратимости наказания за совершённые преступления, решимость Китая в борьбе с терроризмом была и остаётся непоколебимой. Китай будет не только продолжать придерживаться курса противостояния и искоренения терроризма, представляющего угрозу национальной и региональной безопасности, но и активно участвовать в международной борьбе с терроризмом, исходя из общих интересов всего международного сообщества URL:<http://russian.cri.cn/841/2016/01/12/1s571475>.

16Подробно см. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая/ Отв.ред. А.И. Салицкий / Институт востоковедения РАН. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 108 с. С.41-71.

17Звягельская И.Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии / <http://viperson.ru/wind.php?ID=277297>; Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе/ <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html>; Доклад Центра антитеррористических программ «Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии»/ <http://www.terrorunet.ru/analitic/64.html>

18Богатуров А.Д. Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг

В концептуальном документе «Концепция и план действий по продвижению совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», отсутствуют не только меры, которые государства-участники должны предпринимать в сфере безопасности, но и нет развернутой характеристики вызовов и угроз, с которыми потенциально может столкнуться Китай и его партнеры при реализации инициативы «Одного пояса и одного пути».

Ограничиваясь краткими и расплывчатыми формулировками, китайская сторона с самого начала стремилась избежать столкновения мнений по деликатному вопросу безопасности, а то и обвинений в том, что проект отражает стремление КНР закрепиться не только в экономическом, но и в военно-политическом плане в регионах, которые относятся к сфере китайских интересов. Поскольку вопросы безопасности тесно связаны с оборонной политикой, а, следовательно, с суверенитетом государств-участников, Китай возможно специально вывел данную тематику из общих рамок сотрудничества, передав ее на двусторонний и непубличный уровень. Кроме того, вопросы безопасности как никакие другие требуют для их обсуждения высокого уровня политического доверия, а учитывая широкий состав участников, Китай, по всей видимости, предпочел не формулировать каких-то единых подходов в этой сфере.

В то же время очевидно, что сегодня практически в любом регионе и при реализации любого проекта следует учитывать комплекс угроз традиционной и нетрадиционной безопасности, поэтому понятно, что столь масштабная инициатива как «Один пояс и один путь» не может не принимать их во внимание.

В китайской литературе, прежде всего, выделяется группа геополитических рисков. Главный источник политических рисков - западные страны, которые неверно интерпретируют или намеренно искажают мотивы Китая при выдвижении инициативы «Одного пояса и одного пути». Хотя Китай неоднократно заявлял, что стремится к гегемонии, рост влияния Китая вызывает озабоченность на Западе. Китай рассматривается в качестве главной силы, которая потенциально может бросить вызов существующему мировому порядку. Создание Нового банка БРИКС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонда Шелкового пути рассматриваются как свидетельство стремления Китая построить новый мировой порядок¹⁹.

Некоторые китайские эксперты полагают, что серьезным вызовом для «Одного пояса и одного пути» является позиция тех, кто рассматривает этот план в качестве примера китайской экспансионизма. В связи с подобными опасениями отдельные государства, хотя на словах выражают поддержку, однако проявляют осторожность в плане практического участия, и даже прибегают к стратегии балансировки действий Китая²⁰. Некоторые китайские исследователи полагают, что американские планы Нового Шелкового пути и создания Транстихоокеанского партнерства, стратегия России по созданию ЕАЭС и стремление играть лидирующую роль в делах Евразии, японская стратегия «дипломатия Шелкового пути» и вмешательство в ситуацию в Южно-Китайском море с целью сдерживания Китая представляют собой главные вызовы для строительства «Одного пояса и одного пути»²¹.

Другие ученые считают, что региональные и нерегionalные большие государства неизбежно будут с довольно большим недоверием относиться к «Одному поясу и одному пути». Результатом может быть соответствующая политика, которая будет представлять вызов системе выстраивания отношений Китая с государствами, входящими в маршруты «Одного пояса и одного пути».

СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Вып. 2 / Под ред. А.В.Мальгина и М.М. Наринского. М., 2005. С. 12.

19 Цзинь Лин. Там же.

20 张蕴岭, “一带一路”要应对的三大挑战 (Чжан Юньлин. Три важных вызова «Одному поясу и одному пути», на которые следует реагировать) «Чжунго цзинцзи чжоукань», 2015 г., № 17

21 袁新涛 (Юань Синьтао) Там же.

Несколько государств требуют особого внимания, во-первых, США и Япония, во-вторых – Индия, в-третьих – Россия²². Ученые обращают внимание на то, что, если рассматривать отношения с партнерами по проекту с точки зрения истории, то следует обратить внимание, что у Китая с некоторыми странами, расположенными по маршрутам «Одного пояса и одного пути» исторически сложился недостаточный уровень взаимного доверия. Многие страны не входят в число основных торгово-экономических партнеров Китая, с рядом стран отсутствуют значимые обмены в гуманитарной области, отношения также могут быть омрачены территориальными конфликтами и историческими спорами.²³ Кроме того, в отдельных странах существуют этнические, религиозные, классовые, межрегиональные и иные конфликты, которые носят структурный и глубокий характер и ослабляют государство, распространенной особенностью политического климата становится слабое государство – сильная религия, сильные этнические или региональные группировки.

Определенные иностранные державы с помощью управляемого воздействия на внутренние конфликты могут легко нанести ущерб реализации важных китайских проектам стратегического сотрудничества или строительству ключевых объектов²⁴. Нестабильность, вызываемая в регионе действиями террористических сил, безусловно, является одним из серьезных вызовов для Китая при реализации проектов в рамках инициативы «Одного пояса и одного пути».

Китайские эксперты в своих работах подробно анализируют влияние террористической угрозы и другие вызовы в сфере безопасности. Они отмечают, что в ряде государств, расположенных вдоль маршрутов «Одного пояса и одного пути», складывается крайняя нестабильная политическая обстановка из-за действия экстремистских и террористических сил. Реализация «Одного пояса и одного пути» сопровождается тем, что в проблемных регионах Центральной Азии, Западной Азии и Африки увеличивается количество работников китайских государственных и частных предприятий, инженеров и технических работников, а также китайских туристов, однако из-за активизации деятельности террористических организаций в этих районах жизнь и безопасность китайских граждан находится под угрозой²⁵.

В исследованиях китайских ученых отмечается, что «силы трех зол» (терроризм, сепаратизм и экстремизм) и трансграничная преступность (в основном – морское пиратство и контрабанда наркотиков) в настоящее время являются основными трансграничными вызовами в сфере безопасности, с которыми сталкиваются государства, расположенные вдоль маршрутов нового Шелкового пути²⁶. Кроме того, действия Китая в ряде стран могут искаженно интерпретироваться западными неправительственными организациями, подаваться как стремление к региональному лидерству. Распространение таких утверждений может привести к остановке работ или вызвать действия экстремистских сил, - предупреждают китайские эксперты²⁷.

Для реагирования на угрозы в сфере безопасности Китай, по мнению китайских экспертов, будет предпринимать следующие действия:

(1) В процессе сотрудничества со странами-партнерами предоставлять им больше публичных продуктов в сфере безопасности. В регионе «Одного пояса и одного пути»

22 杨思灵, “一带一路”倡议下中国与沿线国家关系治理及挑战 (Ян Сылин. Отношения Китая с государствами, расположенными по маршрутам «Одного пояса и одного пути»: управление и вызовы) «Нань'я яньцзю», 2015 г., №2.

23 邹磊, 中国“一带一路”战略的政治经济学 (Цзоу Лэй. Политическая экономия китайской стратегии «Одного пояса и одного пути», 2015 г., «Шанхай жэньминь чубаньшэ», с.245, 250, 269, 281-285.

24 刘青建、方锦程, 恐怖主义的新发展及对中国的影响 (Лю Цинцзянь, Фан Цзиньчэн. Новые явления в развитии терроризма и их влияния на Китай) «Чжунго вэньти яньцзю», 2015 г., № 4.

25 刘青建、方锦程 (Лю Цинцзянь, Фан Цзиньчэн). Там же.

26 邹磊 (Цзоу Лэй). Там же.

27 王义桅, “一带一路”机遇与挑战 (Ван Ивэй. «Один пояс и один путь»: возможности и вызовы) «Жэньминь чубаньшэ» 2015 г., с. 111-116

наблюдается переплетение традиционных и нетрадиционных угроз безопасности, государства по отдельности не могут справиться с растущими вызовами. Поэтому, - считают эксперты, - Китай должен продолжать сотрудничать с государствами «Одного пояса и одного пути» в сфере безопасности, особенно в том, что касается нетрадиционной безопасности, где у китайской стороны больше возможностей противостоять угрозам.

Возможным вариантом может стать направление части прибыли на создание фондов обеспечения безопасности в регионе, которые могли бы с финансовой с точки зрения обеспечить этот важный участок деятельности по созданию «общества общей судьбы». Разумеется, - отмечают китайские эксперты, - публичные товары в сфере безопасности должны предоставляться оперативно и последовательно, однако к этой работе следует относиться с повышенным вниманием и деликатностью²⁸.

(2) При реагировании на геополитические риски следует уделять особое внимание интересам и озабоченностям различных региональных государств, особенно крупных стран. Являясь участником территориальных споров, Китай должен действовать в соответствии с принципом «Суверенитет наш, отложить споры, проводить совместное развитие», принимать во внимание экономические интересы участников споров, разрешать противоречия с помощью консультаций. При реагировании на рост политической нестабильности, Китай должен действовать в соответствии с принципом невмешательства, играть конструктивную роль, призывая соответствующие стороны к разрешению конфликтов мирным путем и сохранению стабильности в регионе.

В региональной повестке безопасности заметную роль играет фактор больших стран. Первостепенное значение имеет американский и российский фактор. США являются государством-гегемоном и в регионе у них существуют широкие интересы, Россия же традиционно является сильным государством в регионе и по-прежнему сохраняет определенное влияние на вопросы безопасности.

В настоящее время Китай, США и Россия могут в полной мере воспользоваться двусторонними и многосторонними механизмами сотрудничества и, используя гибкие и многообразные формы взаимодействия, развивать сотрудничество на разных уровнях, укреплять политическое доверие, искать точки соприкосновения интересов. В отличие от отношения США и России, у отношений Китая и России сближение происходит легче, поскольку обе страны решают задачи национального возрождения. В отношениях с Москвой для Пекина важно проводить стыковку своих интересов с интересами ЕАЭС, вместе обеспечивать безопасность ЭПШП.

Что касается китайско-американской связки, то в настоящее время между Китаем и США существует системная «дилемма безопасности», развитие Китая рассматривается США как игра с нулевой суммой, российско-китайское взаимодействие США интерпретируют как «вытеснение США». Между тем, за территориальными спорами в регионе и политической нестабильностью в отдельных государствах кроется сильный американский фактор. Китайско-американское сотрудничество в сфере безопасности следует начинать с взаимодействия в борьбе с терроризмом, пиратством, транснациональной организованной преступностью и другими вызовами в сфере нетрадиционной безопасности. Используя различные механизмы диалога, Китай и США должны постепенно способствовать росту доверия, что позволит лучше реагировать на вызовы и угрозы.

(3) Необходимо подчеркнуть, что «Один пояс и один путь» это грандиозный процесс экономической интеграции, он не имеет геополитического подтекста, и тем более не имеет военно-стратегического содержания. Реагирование на риски в сфере безопасности заключается в сотрудничестве с другими государствами, в их совместной борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком и трансграничной преступностью.

28蔡鹏鸿, 为构筑海上丝绸之路搭建平台: 前景与挑战 (《当代世界》 (Цай Пэнхун. Создание платформы для Морского Шелкового пути: Перспективы и вызовы) «Дандай шицзе», 2014 г., № 4

В плоскости безопасности Китай укрепляет сотрудничество с региональными и субрегиональными организациями в борьбе с терроризмом. Наряду с экономическими вопросами вопросы повестки в сфере безопасности следует включать в соглашения о сотрудничестве с государствами-участницами «Одного пояса и одного пути». Можно в экспериментальном порядке начинать с конкретных функциональных областей, создавать многосторонние механизмы по безопасности с небольшим количеством участникам. Например, в Южно-Китайском море создать систему общего запрета на рыбную ловлю, проводить совместное патрулирование, двусторонние и многосторонние военные учения. Для решительной борьбы с «силами трех зол» и трансграничной преступностью, ШОС должна предпринять соответствующие шаги, прежде всего в Афганистане. Китай должен усиливать стратегическую поддержку Пакистана, особенно в плане усиления антитеррористической деятельности Исламабада, одновременно необходимо наращивать координацию с Саудовской Аравией, Катаром Турцией и другими государствами Ближнего Востока с тем, чтобы перекрыть каналы финансирования нефтедолларами представителей «трех сил зла». Как считают китайские эксперты, для обеспечения бесперебойной деятельности трансграничных инфраструктурных объектов можно рассмотреть вопрос об обеспечении их безопасности силами охранных компаний, особенно там, где речь идет о стратегически важных объектах.

2. Перспективы и проблемы формирования «Большого евразийского пространства» (БЕП)

Идея создания *Большого евразийского партнерства (БЕП)* была сформулирована 3 декабря 2015 г., когда в Послании Президента РФ Федеральному Собранию была выдвинута инициатива о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН и ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС²⁹. На протяжении 2016 г. концепция неоднократно озвучивалась на различных многосторонних площадках, по сути став флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции³⁰.

Опора этого процесса – конструктивное взаимодействие Москвы и Пекина. В связи с этим звучат скептические оценки (особенно на Западе), основанные на убеждении, что формирование нового полюса силы невозможно в силу якобы непреодолимых российско-китайских противоречий. Между тем ни одно из обсуждаемых противоречий между ведущими евразийскими государствами не является объективным, глубоким или антагонистическим. РФ и КНР ищут в общем соседстве разные ресурсы и возможности – рабочую силу в одном случае и пространство для инвестиционной экспансии в другом. И Россия, и Китай жизненно заинтересованы в региональной безопасности и стабильности политических режимов³¹.

Выдвижение инициативы было во многом вызвано обеспокоенностью России в связи с падением авторитета Всемирной торговой организации (ВТО) и созданием «закрытых» региональных торговых объединений³². Предлагаемый ответ состоит в гармонизации различных региональных экономических форматов при строгом соблюдении принципов равенства и открытости. В качестве положительного опыта В.В. Путин назвал деятельность ЕАЭС и переговоры о его сопряжении с китайским проектом, которые в перспективе могут способствовать созданию Большого евразийского

29 <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

30 <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

<http://kremlin.ru/events/president/news/51953>

31 Т.В.Бордачев. Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим //Россия в глобальной политике, 2015.- сентябрь/октябрь.- URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

32 <http://special.kremlin.ru/events/president/news/52819>

партнерства³³. Конечной целью выступает утверждение ЕАЭС как центральной объединяющей структуры в сети региональной интеграции в Евразии.

В официальных заявлениях неизменно отмечается, что инициатива не носит закрытый или конфронтационный характер. Во-первых, работа по формированию БЕП будет строиться на принципах открытости, исключающих превращение создаваемого партнерства в замкнутый торгово-экономический блок. Во-вторых, партнерство будет работать на основе норм ВТО - принципов прозрачности и уважения интересов сторон³⁴. Российская сторона выступает за то, что логика «неделимости» должна быть применима не только к сфере безопасности, но и к глобальному экономическому пространству³⁵.

На первоначальном этапе партнерство могло бы сосредоточиться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур движения товаров через границы, совместной выработки технических стандартов для продукции следующего технологического поколения и взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов на основе принципов равноправия и учета взаимных интересов³⁶.

Формирование партнерства можно начать с упрощения и унификации регулирования в области отраслевого сотрудничества и инвестиций, а также мер нетарифного, технического и фитосанитарного регулирования, таможенного администрирования, защиты прав интеллектуальной собственности, в дальнейшем постепенно двигаясь к снижению, а затем и отмене тарифных ограничений. При этом можно было бы опираться на сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия и открытости рынка в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, а также на договоренности о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий³⁷.

Ряд экспертов считает, что Россия выдвинула идею Большого евразийского партнерства как формы региональной экономической интеграции в ответ на инициативу США по созданию ТТП и китайскую программу Экономического пояса Шелкового пути. В то же время идея БЕП показывает важность укрепления отношений России с Азией и может стать стратегией азиатского вектора развития страны. Для России формирование партнерства создаст принципиально новые возможности для наращивания поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион продовольствия, энергоресурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг, позволит государству играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки³⁸.

Главная цель России – сделать ЭПШП инструментом укрепления и совершенствования ЕАЭС, не допустить их конкуренции, а в дальнейшем – положить ресурсы ЭПШП в основу формирования экономико-политического Сообщества Большой Евразии. Другим безусловным приоритетом, отражающим и содержание китайской версии ЭПШП, является развитие меридиональных транспортно-логистических коридоров, кластеров трансграничного сотрудничества. Этот вывод сделали ведущие российские ученые в рамках проведенного «круглого стола», организованного руководством факультета Мировой Политики и Мировой Экономики НИУ ВШЭ.³⁹

33 <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52819>, <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

34 <http://special.kremlin.ru/events/president/news/52819>

35 <https://ria.ru/world/20160428/1422026395.html>

36 <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

37 Выступление В.В. Путина на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

38 Послание Президента Федеральному Собранию, 3 декабря 2015 г., <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>

39 Т.В.Бордачев. Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим //Россия в глобальной политике, 2015.- сентябрь/октябрь.- URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

«Необходимо стремиться к укреплению институтов координации политики стран-участниц ЕАЭС и КНР, - подчеркивает российский ученый Т.В.Бордачев (НИУ ВШЭ),- в рамках предлагаемых китайской стороной проектов под эгидой Экономического пояса Шелкового пути. Стоит, например, вернуться к вопросу о создании института постоянных представителей стран-членов ЕАЭС при Евразийской экономической комиссии. А также сформировать под сопряжение новый постоянно действующий межправительственный комитет ЕАЭС. На время переговоров по соглашению ЕАЭС-КНР роль такого координирующего органа будет выполнять переговорная делегация». «В дальнейшем, - подчеркивает он, - возможно, ее институциональное оформление в рамках совместной с Китаем структуры, отвечающей за исполнение будущих договоренностей, подготовку регулярных встреч глав государств и правительств, механизм которых стоит предусмотреть в соглашении»⁴⁰.

Отношения ЕАЭС-КНР нельзя рассматривать как исключительно торговые. Инициатива ЭПШП – инфраструктурная и инвестиционная, что предполагает гармонизацию законодательства в части технических регламентов и взаимного признания технических норм. При этом масштабы сближения и упрощения процедур технического регулирования должны определяться отдельно по каждой товарной группе.

Для Китая сопряжение и строительство новой Большой Евразии не менее важны, чем для России. Соединенные Штаты сделали ставку на сдерживание и ограничение влияния Поднебесной. Хотя теоретически эта политика может измениться, соперничество КНР с США на глобальном уровне и в морских пространствах будет нарастать. Пекин жизненно заинтересован в безопасном и дружественном окружении на суше, движении на Запад и открытии на Западе и Юго-Западе новых рынков. Хотя в силу азиатского менталитета и отсутствия у китайских партнеров опыта в осуществлении масштабных геостратегических планов прогресс здесь будет более медленным, чем этого хотелось бы России.

Наибольшую угрозу сопряжению, а также евразийской интеграции представляет разделение работы на несвязанные и нескоординированные национальные линии взаимодействия с Пекином. Для этого есть ряд объективных и субъективных предпосылок, несмотря на принципиальную договоренность действовать по линии ЕАЭС-Китай. КНР не стремится к расколу ЕАЭС, но и не будет препятствовать, если страны-участницы пожелают сотрудничать на двусторонней основе. Более того, в большинстве случаев именно такой формат наиболее комфортен для Пекина⁴¹.

Формирование большого евразийского пространства (БЕП) в будущем позволит России осуществить диверсификацию и обеспечить более сбалансированную систему внешних связей, укрепляя сотрудничество не только с Китаем, но и с АСЕАН, Японией, Индией, Вьетнамом и другими странами АТР и Евразии. При этом, российско-китайское экономическое партнерство будет играть важную роль в БЕП, учитывая позиции двух государств в Евразийском регионе.

Китай поддерживает идею сотрудничества в рамках макрорегиона Большой Евразии, потому что она основана на концепции всеобъемлющего партнерства и идеях открытости, в том числе для Китая. Кроме того, в укреплении отношений с Евразией Китай руководствуется не понятием своей исключительности, а идеями сосуществования и совместного развития. Китай считает Россию стратегическим партнером в Евразийском регионе и рассчитывает на сотрудничество с Москвой для всестороннего развития связей в Евразии.

Идеи БЕП и «Одного пояса..» тесно переплетены и могут рассматриваться как инициативы-партнеры. При этом, концепция БЕП пока находится на стадии формирования, и до сих пор нет консенсуса по ее внутреннему содержанию и объему. На текущем этапе формирование единого механизма сотрудничества в Большой Евразии не

40 Т.В.Бордачев. Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим //Россия в глобальной политике, 2015.- сентябрь/октябрь.- URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

41 Там же

является главной задачей и маловероятно в современных условиях. Большая Евразия слишком обширна и включает в себя множество государств со значительными различиями, что делает невозможной выработку единых рамок сотрудничества. Однако в перспективе Большое евразийское сотрудничество может стать всеобъемлющим понятием, включающим многоуровневое взаимодействие с помощью различных механизмов и форм.

Специфика российско-китайского и центрально-азиатского «сопряжения» содержит некоторые экономико-географические контуры и задачи для отдельных регионов Китая и России, которые могут быть взяты для первоначального анализа. Например, провинциям верхнего и среднего течения Янцзы рекомендуется сотрудничать с их партнерами в Поволжье. В целом же внутренние районы страны ориентируются на сотрудничество с центральной, южной и западной частями Азии, роль «окна и авангарда» на западном сухопутном направлении («поясе») отводится Синьцзян-Уйгурскому автономному району.

Для России в рамках вхождения в зону «Одного пояса..» важным представляется привлечение мощного банковского сектора КНР. Известно, что помимо Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, в рамках которого действует Фонд Шелкового пути, к реализации ОПОП привлечены Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк и др.

Одним из ключевых компонентов китайской инициативы, как известно, является строительство новых и модернизация старых железных дорог в Евразии и других частях света как начальный компонент реализации транспортных(инфраструктурных) проектов. России выгодна такая логистика, поскольку развитие огромных пространств от Владивостока до Калининграда во многом зависит от наличия транспортных коридоров и их эффективности.

Очевидно, что транспортные проекты, по замыслу китайских архитекторов «Шелкового пути», должны усилить процесс «выхода за рубеж» прямых китайских инвестиций⁴². Инвестиции призваны наращивать объем экспорта китайской инновационной продукции транспортной отрасли и передовых технологий, развивать евроазиатский рынок строительства транспортных сетей. Создаваемая за рубежом транспортная сеть позволит ускорить экономическое развитие центральных и западных провинций Китая. Кроме того, увеличение континентальных перевозок будет стимулировать рост объемов внешней торговли КНР.

Общие географические контуры «Одного пояса...», включая железнодорожные, автомобильные и морские пути, а также круг вовлекаемых евразийских и европейских стран, в России хорошо известен. Основные параметры потенциальных маршрутов отображены на карте См.: *Приложение №1*.

В перспективе объединенная транспортная сеть, как считают в Пекине, позволит создать транспортный коридор от АТР до стран Западной Европы. Создаваемая сеть объединит 18 азиатских и европейских стран общей площадью 50 млн км² с населением в 3 млрд человек⁴³. За прошедшие десять лет ежегодный рост товарооборота Китая со странами, расположенными вдоль Шелкового пути, составлял около 19%, а в 2014 г. объем торговли Китая со этими странами превысил \$600 млрд⁴⁴.

В более узком формате, в проекции российских транспортных интересов на регион Центральной Азии и другие сопредельные районы, инфраструктурную часть ЭППИ можно представить картой, отображенной в *Приложении №2*.

42 URL: <http://en.ce.cn/main/latest/201501/17/t20150117>

43Лузянин С.Г.,Сазонов С.Л.. Экономический пояс шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель/Observer.- май 2015.- №5(304).- С. 39

44Li meets APEC Finance Ministers Meeting's delegations heads in Beijing URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1021/c102839-8797994>.

Для России важно, что концепция экономического пояса ЭПШП означает, что Китай регион Центральной Азии, где у Москвы имеются системные, стратегические интересы, рассматривает значительно шире в экономическом и интеграционном плане, чем остальные региональные участники. Фактически, предлагается мегапроект экономического со-развития от Восточной Азии до Европы, который объединит 21 государство. Китай выступает как главный исполнитель и вдохновитель этого проекта. Речь не идет о создании некоей евразийской зоны свободной торговли, а скорее о развитии экономик и транспортных / инфраструктурных проектов при помощи КНР в Евразии.

Проекты «Одного пояса...» усилят процесс «выхода за рубеж» прямых китайских инвестиций (ПЗИ), призванных нарастить объемы экспорта китайской инновационной продукции транспортной отрасли и передовых технологий, монополизировать евроазиатский рынок строительства транспортных сетей. Создаваемая за рубежом транспортная сеть позволит ускорить экономическое развитие центральных и западных провинций Китая, а за счет увеличения континентальных перевозок будет стимулироваться рост объемов внешней торговли КНР.

Можно предположить, что инфраструктурный аспект будет составлять стержень китайской инициативы. Реализация транспортных проектов в рамках Пояса позволит обеспечить усиление экономического и, следовательно, политического влияния Китая в странах Центральной, Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, Закавказья, Восточной Европы.⁴⁵

Кроме инфраструктурного / транспортного компонента, нельзя исключать реализации широкой инвестиционной / целевой программы, направленной на содействие внутреннему социально-экономическому развитию стран-партнеров по «Великому шелковому пути», включая практику товарных и иных кредитов. Очевидно, что на это будут потрачены огромные финансовые средства.

Инвестиции будут направлены, как нам представляется, на улучшение транспортной сети центральных и западных китайских провинций развитие инфраструктуры стран Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и части европейских стран. В ноябре 2014 г. правительство г. Фучжоу (Фуцзянь) совместно с региональным филиалом Банка КНР и фондом развития «Китай-Африка» приняли решение о создании фонда финансирования «МШП-21 в.» в размере 10 млрд юаней (\$1,6 млрд), а правительство провинции Гуандун выразило желание стать соинвестором этого Фонда⁴⁶.

Международные аналитики признают, что в ближайшее десятилетие строительство азиатской инфраструктуры будет переживать бум – ежегодные темпы роста рынка инфраструктурного строительства будут составлять 7–8%⁴⁷. В 2025 г. капиталовложения в создание азиатской инфраструктуры будут оцениваться в \$5,3 трлн, составив 60% инвестиций в развитие мирового рынка инфраструктурного строительства.

Россия особенно нуждается в преодолении пространственных дисбалансов экономического развития. Началом российско-китайского сотрудничества в этой сфере стали совместный проект строительства скоростной железной дороги «Москва – Казань» и планируемая модернизация Транссибирской магистрали, включая казахстанский и китайский участки.

Между Россией и Китаем существует Соглашение о защите инвестиций, которое предусматривает возможность обращения в международный арбитраж. Однако практики реализации этого соглашения нет, и было бы полезно, если бы она, наконец, появилась, либо исполнение сторонами решений международных арбитражей в части инвестиционных споров было бы гарантировано каким-либо иным образом.

45. Лузянин С.Г., Сазонов С.Л. Экономический пояс шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель/Observer.- май 2015.- №5(304).- С.40-41

46. Лузянин С.Г., Сазонов С.Л. Экономический пояс шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель/Observer.- май 2015.- №5(304).- С. 40-41

47. Asia's infrastructure market close to \$5.3t by 2025 URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/13/t20141113_3896905.sh

Перспективным может быть создание нового (или использование существующего, но по дополнительной договоренности) арбитража, решениям которого в одинаковой степени доверяли бы все стороны. Один из вариантов – Сингапур, где есть общепризнанное в вопросах инвестиций английское право, а также политическая независимость судебных институтов. Однако можно рассмотреть вопрос о специальном арбитраже под эгидой Шанхайской организации сотрудничества, расположенном, например, в свободном порте Владивосток или Гонконге⁴⁸.

В Таможенном союзе, ЕЭП, и теперь в ЕАЭС вопрос специального режима инвестиционной деятельности (даже относительно взаимных инвестиций), к сожалению, давно игнорируется. Взаимодействие с Китаем способно стать катализатором и в рамках ЕАЭС. Нюансы, связанные с нормами защиты инвесторов, созданием необходимых гарантий, прояснением вопросов разрешения инвестиционных и прочих контрактных споров – это то, что должно быть сформулировано в рамках некоторой правовой базы, оторванной от конкретных (двусторонних) соглашений по отдельным темам.

Если объединить все железнодорожные «коридоры» ЭПШП с российскими, можно представить следующую картину «железнодорожной Евразии»:

Намерение России расширить сферу сотрудничества в области создания транзитных коридоров с Китаем и другими центрально-азиатскими странами наталкивается на желание стран ЦА использовать собственную и китайскую территории

48 Т.В.Бордачев. Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим //Россия в глобальной политике, 2015.- сентябрь/октябрь.- URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

для формирования нового («своего») евразийского коридора, который бы стал источником поступления валюты за счёт перевозки транзитных грузов.

Очевидно, что последствия создания новых транзитных коридоров, включая дальнейшую коммуникацию с государствами-членами ШОС, состыковки с железнодорожными магистралями КНР, составит реальную конкуренцию Транссибу, в первую очередь за счет сравнительно низкого тарифа на перевозки⁴⁹.

Нельзя не учитывать и более высокую рентабельность работы ж/д транспорта внутри КНР, которая является аргументом в пользу китайских маршрутов и технологий доставки. Как отмечал бывший глава ОАО «РЖД» В. Якунин, «на сегодняшний день подвижной состав в Китае в два с лишним раза дешевле российского и подготовлен для работы в скоростном режиме вплоть до 160 км/ч»⁵⁰.

Для российских интересов важна также судьба проекта шоссейной дороги «Западная Европа – Западный Китай», часть которой должна пройти через территорию России и выйти в Финляндию, которая до сих пор окончательно не определена. Между тем этот проект мог бы облегчить экспорт китайских товаров в Европу через российскую территорию (соответственно, Россия получила бы транзитные доходы). Российскую часть проекта планируется реализовать к 2020 г.⁵¹ Это весьма чувствительный вопрос и для Казахстана, и для общего характера сотрудничества в рамках ЕАЭС и ЭПШП.

Строительство системы высокоскоростных железных дорог в рамках проекта «Один пояс – один путь» позволит ввести в русло международной торговли и промышленности государства Центральной Азии и Монголию, не имеющие выхода к морю, а также малонаселенные и слабо развитые регионы центральной и сибирской частей России. Таким образом, будет создан сухопутный коридор экономического развития, соединяющий Европу и Азию. С этой точки зрения проект «Одного пояса...» по определению построен на идее сопряжения существующих на сегодня в Евразии экономических блоков.

Рассмотрим подробнее три маршрута Евразийской трансконтинентальной магистрали, о которых идет речь в китайских документах.

По предварительным прикидкам российских экспертов, центральный маршрут ЕТМ составляет важнейшее направление континентального коридора Европа–Азия и является неотъемлемой частью «ЭПШП». Маршрут позволяет обеспечить транспортировку экспортных грузов из стран АТР и КНР в страны Европы и Персидского залива. В Центральный маршрут ЕТМ в направлении Китай–Казахстан–Узбекистан–Туркменистан–Иран–Турция – европейские страны (Ляньюньган–Алашанькоу–Достык–Актогай–Алматы–Теджен–Мешхед–Серакс–Тегеран–Табриз–Анкара–Стамбул–Париж–оттердам) обеспечит прямой выход КНР и трем государствам ЦА в Европу, к крупным торговым портам Бандер-Аббас в Персидском заливе и Чахбехар в Оманском заливе, в страны Южной и Юго-Восточной Азии⁵².

3 декабря 2014 г., как известно, состоялось официальное открытие среднеазиатского участка центрального маршрута ЕТМ по маршруту Узень–Болошак(Казахстан)–Серхетяка–Кызылкияк–Берекет–Этрек (Туркменистан)–Горган (Иран) Общая протяженность железной дороги от Казахстана через Туркменистан до провинции Гулистан на севере Ирана составляет более 926 км, из которых 146 км проходят по казахстанской территории, более 700 км – по туркменской и 80 км – по иранской. В Казахстане рассчитывают, что азиатский грузопоток, перевозимый по центральному маршруту, будет генерироваться преимущественно на территории КНР и Казахстана и

49 Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Россия – Китай – Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы // Обозреватель/Observer.-2016, февраль.- №2 (313).- С.57

50 Якунин В.И. Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России. – М.: Научный эксперт, 2008. С. 141.

51 Шадрин Т. От Европы до Китая проложат дорогу. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/18/doroga-site>.

52 Лузянин С.Г., Сазонов С.Л. Экономический пояс шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель/Observer.- май 2015.- №5(304).- С.42 - 43

направляться в Иран, Турцию и далее в Европу. По предварительным подсчетам, прогнозируемые объемы грузоперевозок по центральному маршруту ЕТМ на пятый год эксплуатации железнодорожной магистрали составит более 10 млн т, а в перспективе может превысить 20 млн т⁵³.

Китай предусматривает строительство автомобильной магистрали и нефтепровода Кашгар–Исламабад–Карачи–Гвадар, проходящих параллельно железной дороге. Вследствие плохого качества автомобильных дорог из Пакистана в КНР сегодня подавляющая часть торговли между двумя странами осуществляется морским путем. Ежегодно сухопутным транспортом перевозится лишь 100 тыс. т грузов⁵⁴. Прокладка железной дороги из Кашгара в Гвадар позволит сократить время транспортировки грузов до 10 дней (по сравнению с 30 днями морским путем).

В случае реализации транспортных проектов, глубоководный пакистанский порт Гвадар станет важной артерией для транспортировки сырой нефти Ближнего Востока в КНР по суше в обход Малаккского пролива, а у Китая появится возможность экспортировать свои товары в арабские страны.

Резюмируя варианты создания евразийской магистрали (ЕМ), очевидно, что – это стратегия диверсификации транспортного освоения континента. При этом, существует ряд препятствий на пути превращения ЕМ в полноценный евразийский маршрут. Развитие евразийского транзита сдерживается вследствие слабого технического состояния участков ЕМ, проходящих по территории стран ЦА. Транзитные тарифы в странах центрально-азиатского региона недостаточно гармонизированы, состояние нормативно-правовой базы не обеспечивает быстрые и удобные сроки перевозки грузов, а многократное пересечение границ приводит к большому затягиванию реальных сроков доставки товаров.

Выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 г. идея Пояса первоначально воспринималась в России и ряде других стран на тот момент Таможенного союза с некоторой настороженностью. Отдельные российские эксперты даже говорили о том, что китайский проект – это реакция КНР на неповоротливость и медленное развитие ШОС, что «Шелковый путь» – вариант более эффективного развития Центральной Азии и соседних регионов.

В настоящее время выяснилось, что ситуация не столь критична, наоборот для России в отдельных компонентах (инфраструктурных, инвестиционных) да же выгодна.

Понятно, что проект Си Цзиньпина чрезвычайно амбициозен, рассчитан на длительную перспективу и отражает темпы и характер геополитического возвышения Китая как новой, растущей сверхдержавы. Но при этом он пока не направлен и не подрывает два других – развитие ШОС, где КНР и РФ остаются ключевыми игроками и созданный (1 января 2015 г.) Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Россия в рамках многостороннего двустороннего форматов отношений с КНР в условиях реализации «Одного пояса...» не пассивный наблюдатель. РФ заинтересована в интенсификации процессов сопряжения между ЭПШП, ЕАЭС и ШОС. Российский интерес рельефно просматривается на треках взаимодействия ШОС с Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС) и «Шелковым путем».

При этом в данном процессе возможны различные варианты / сценарии – а) развитие интеграции / сближения по «северному маршруту»: ШОС – ЕАЭС, включая усиление Евразийского Банка Развития за счет интеграции китайских ресурсов. б) «Южный сценарий» – ШОС – «Шелковый путь», который, однако, просматривается, как более поздний по возможным срокам и возможностям реализации. Не исключен и вариант параллельного развития трех проектов.

53.Лузянин С.Г.,Сазонов С.Л.. Экономический пояс шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель/Observer.- май 2015.- №5(304).- С.41-43

54Объем торговли с пятью странами ЦА составил 70 % общего внешнеторгового оборота Синьцзяна URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2014-01/25/content_31304664.

Процессы сближения китайского мега-проекта и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) неизбежно вызовут смену геополитических акцентов в Евразии. Политическая карта евразийского пространства уже сегодня «читается» иначе, чем 5-10 лет назад. Вес и роль ключевых игроков – России и Китая постепенно усиливается, что особенно актуально для Москвы в условиях сохраняющейся конфронтации с Вашингтоном и Брюсселем.

Подобную деформацию точно уловил ряд российских ученых – политологов. Так, проф. Т.В.Бордачев, в частности, отмечает, что «формирование в Евразии с опорой на центральную ее часть – Сибирь, Казахстан, западные провинции Китая и страны Центральной Азии – самостоятельного полюса роста может стать одним из важнейших геоэкономических и геостратегических процессов первой половины XXI века. Столетиями Евразия была не более чем «мостом» и объектом реализации интересов внешних игроков, сегодня она впервые начинает обретать самостоятельное значение. В перспективе – движение к широкому евразийскому сообществу, которое включит в себя не только «жесткое ядро» – Евразийский экономический союз и Китай, но и других региональных игроков».⁵⁵

Идея превращения Евразии из «моста» в самодостаточное международно-политическое сообщество представляется, на наш взгляд, перспективной. Она (идея) дает возможность по-новому структурировать и прогнозировать евразийскую систему международно-экономических отношений, выделяя приоритетные / доминирующие форматы (как двусторонние, так и многосторонние), анализируя слабые и сильные стороны развивающегося ОПОП, а также перспективы создания локальных ЗСТ и/или единой евразийской зоны свободной торговли, движения товаров, услуг и капиталов.

В евразийском регионе формируются условия для дальнейшей реализации идеи развития Китая, России и центрально-азиатских стран. Это важно и для экономики региона, и для его безопасности, обеспечение которой из-за провальной политики США в Афганистане и роста угроз со стороны негосударственных акторов (ИГИЛ и другие экстремистские группировки) — является все более серьезной проблемой.

Нуждается в дальнейшей экспертной проработке концепция «континентального партнерства», которая озвучивается российской стороной в связи со стыковкой ЕАЭС и «Одного пояса...». Представляется, что в общих интересах сторон расширить возможное поле взаимодействия, выйдя за рамки торгово-экономического сотрудничества или инфраструктурного строительства⁵⁶.

Следующим шагом по реализации совместного видения будущего евразийского континента могла бы стать российско-китайская концепция комплексного развития Евразии, которая бы включала в себя как экономические вопросы, так и вопросы безопасности. Евразия без разделительных линий и барьеров (торговых, миграционных, политических, культурных, межконфессиональных) - это новое качество отношений между государствами. В достижении этой цели «континентальное партнерство» двух членов Совета Безопасности ООН с близкими взглядами на проблемы современного мира могло бы сыграть решающую роль. Повышается востребованность и таких механизмов международной безопасности, как ОДКБ и ШОС.

Инфраструктурный дефицит – лишь часть проблем обширного региона, усилия необходимо сосредоточить и на узких местах, связанных с дефицитом безопасности (наращивать антитеррористический компонент, средства превентивной дипломатии, вести совместную борьбу с трансграничной преступностью и наркотрафиком и т.д.)⁵⁷

Наибольшую угрозу сопряжению, а также евразийской интеграции, как отмечает Т.В.Бордачев, - представляет «разделение работы на несвязанные и нескоординированные

⁵⁵Бордачев Т.В. Новое Евразийство // Россия в глобальной политике.- Сентябрь – октябрь.- 2015, № 5, URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

⁵⁶Лузянин С.Г. Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад №25/2016 / С.Г.Лузянин (рук.) и др.: Х. Чжао (рук.) и др. (Гл. ред. И.С.Иванов).- РСМД.- М.,2016.- С.40-41

⁵⁷Там же .- С.41

национальные линии взаимодействия с Пекином. Для этого есть ряд объективных и субъективных предпосылок, несмотря на принципиальную договоренность действовать по линии ЕАЭС–Китай. КНР не стремится к расколу ЕАЭС, но и не будет препятствовать, если страны-участницы пожелают сотрудничать на двусторонней основе»⁵⁸.

Более того, в большинстве случаев именно такой формат наиболее комфортен для Пекина. Экспертные обсуждения, состоявшиеся в последнее время на российских экспертных площадках, выявили необходимость вновь и вновь доносить до китайских партнеров идею о том, что именно формат ЕАЭС–Китай – центральный, и он не ограничивается только торговыми отношениями. Очевидна необходимость постоянного контакта и диалога России с партнерами по ЕАЭС, которым следует напоминать, что им как относительно небольшим и слабым государствам наиболее выгоден именно многосторонний формат.

Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС (ЕЭК) пока сдержанно относится к возможности активного использования инструментов нетарифного характера (техническое регулирование, фитосанитарные нормы и стандарты, регулирование рынка труда и т.д.) для взаимодействия по линии ЕАЭС–Китай. Здесь необходимо расширение компетенций ЕЭК на новые сферы, в первую очередь транспортную и сферу инвестиций. Это можно было бы сделать решением всеильного Высшего евразийского экономического совета (главы государств) о внесении изменений в Договор о Союзе⁵⁹.

Политико-дипломатический контекст проблематики «Одного пояса...» в российской проекции, несомненно, привязан к трансформациям Шанхайской Организации Сотрудничества, объективно влияющей на реальное и потенциальное взаимодействие китайского «шелкового проекта» и ЕАЭС.

3. Евразийский треугольник «Россия – Монголия – Китай»

Развитие трехсторонних отношений между *Россией, Монголией и Китаем* на сегодняшний день является одним из центральных и чрезвычайно важных компонентов собственно российско-монгольской повестки. Китайский фактор был и остается одним из основных ограничителей и одновременно стимуляторов российско-монгольского сотрудничества. Традиционность данного формата обусловлена самой историей формирования и развития треугольника «Россия – Монголия (Внешняя и Внутренняя) – Китай» в XVI–XXI вв. За этот период сложился некий баланс в экономической, политической и международно-правовой системе отношений. В настоящее время экономический баланс, в силу более значительных возможностей и ресурсов, складывается в пользу Китая и усиления китайско-монгольского сотрудничества.

При оценках данного (трехстороннего) формата сохраняется «традиционный» методологический принцип – соперничество/сотрудничество России и Китая в Монголии. Так или иначе, при сравнении эффективности развития российско-монгольского и монголо-китайского сотрудничества ключевым параметром для России остается вопрос – насколько больше Китай торгует, инвестирует, строит и т.д. в Монголии?

Существуют объективные возможности использования большого политического ресурса российско-китайского партнерства, накопленного сторонами за десятки лет. В 1990-е XX в. и начале 2000-х гг. российско-китайское стратегическое партнерство и российско-монголо-китайское (региональное) сотрудничество существуют «параллельно», не влияя друг на друга. С 2014 г., когда на полях саммита ШОС в Душанбе три лидера РФ, КНР и Монголии провозгласили начало формирования треугольника, а в 2015 г. в Уфе, на

58Бордачев Т.В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике.- URL:<http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

59Бордачев Т.В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике.- URL:<http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>

полях саммита БРИКС была принята «дорожная карта» создания экономических коридоров на данном евразийском пространстве.

Российско-китайское стратегическое партнерство, таким образом, было политически инкорпорировано в трехстороннюю систему взаимодействия и «параллельность» исчезла. В 2016 г. российские ученые ИДВ РАН разработали и реализовали создание трехстороннего экспертного формата из ведущих академических центров трех стран, которая активно развивается в настоящее время.

Евразийский треугольник вписался в восточно-азиатский участок китайской инициативы ОПОП и монгольского проекта «Степной путь», что дополнительно дало стимул развитию как российско-монгольских, так и китайско-монгольских торгово-экономических и энергетических отношений⁶⁰ в двусторонних форматах.

Очевидно, что создание транспортного и инвестиционного «коридора» по линии Хух-Хото (Автономный Район Внутренней Монголии КНР) – Улан-Батор (Монголия) – Улан-Удэ (Республика Бурятия РФ) выгодно для развития самой Монголии и со-развития сопредельных китайских и российских территорий.

До создания трехстороннего формата, еще в 2005 г. в Китае началось строительство железной дороги протяженностью 1390 км через пустыни Улан Бух и Бадайн Джаран, в северной части Автономного района Внутренняя Монголия. Маршрут трассы не затрагивал территорию Монголии, проходил по сопредельной Внутренней Монголии с востока на запад – от г. Линьхе на запад через пустыню Улан Бух и вдоль северной оконечности пустыни Бадайн Джаран и далее – по территории Синьцзян-Уйгурского автономного района и через северную часть пров. Ганьсу. Протяженность участка магистрали на территории Внутренней Монголии составила 1070 км. После завершения строительства железная дорога соединила напрямую северные и северо-западные районы Китая, а также обеспечила удобное сообщение между Синьцзян-Уйгурским районом, северными и северо-восточными провинциями Китая и Пекином.

Перспективным является вариант российско-китайской и российско-монгольской кооперации по разработке стратегического угольного месторождения *Таван Толгой в Монголии*, одного из крупнейших месторождений каменного угля в мире⁶¹. В настоящее время, в рамках сложившегося международного консорциума, в котором есть китайская и российская доли, реализовано строительство узкоколейки в г. Баатай (Внутренняя Монголия КНР) и железной дороги в Соыр и на Дзун Булак (Монголия).

Двусторонний российско-монгольский формат связан с развитием торговли, совместным управлением и модернизацией старых (ОАО Эрдэнэт, ОАО УБЖД, «Росцветмет») и становлением новых совместных проектов. Дополнительным стимулом может стать полномасштабный запуск «Открытой экономической зоны» в Кяхта (РФ) – Алтанбулаге (Монголия) в рамках механизма «Россия – Монголия – Китай».

60 Российско-монгольские энергетические отношения в начале 2016 г. были осложнены решением монгольского руководства о строительстве сразу трех ГЭС на реке Селенге, которая впадает в озеро Байкал и является одним из основных водных ресурсов пополнения уникального озера. Создание подобного гидроэнергетического каскада в верховьях Селенги, по подсчетам российских ученых-экологов, неизбежно приведет к обмелению Байкала и другим экологическим катастрофам. Аргументы монгольского руководства сводятся к тому, что река Селенга протекает по территории Монголии, а так же к дефициту энергоресурсов, которые испытывает Монголия. Вопрос обсуждался на уровне президентов трех стран (РФ, КНР и Монголии) и премьеров на полях различных саммитов (ШОС, АСЕМ «Азия – Европа и др.). Российская сторона обещала увеличить поставки энергоресурсов (углеводородов, электроэнергии) в Монголию и ликвидировать имеющийся дефицит. Китай в данном споре поддерживает Россию, выступая за развитие двустороннего российско-монгольского диалога по данной проблеме. Однако до сегодняшнего времени вопрос о строительстве ГЭС остается открытым.

61 Разведанные запасы угля на месторождении Таван Толгой 50 млрд. метрических тонн коксующегося и энергетического угля, расположено в 400 км от ближайшей железной дороги. - Азиатский банк развития, ключевые индикаторы. Монголия. 2006. Манила. АБР. 20016. С. 349–301. 323–326.

КНР развивает свое присутствие в сферах монгольских энергоресурсов. Так, китайские компании разрабатывают нефтяные месторождения и ведут добычу нефти в монгольском Дорноде.

Досье. Во второй половине 1990-х гг. Китай становится главным торгово-экономическим партнером Монголии: на него приходится 42,2% монгольского экспорта и 25% импорта. В 1990 г. оборот торговли между Монголией и КНР составлял 33,6 млн. долл., в 2014 г. эта величина достигла 3,4 млрд. долл., т.е. выросла в 100 раз. Монголия превратилась в самого крупного поставщика в Китай каменного и бурого угля, удовлетворяющего до 6% энергетических потребностей Китая: в 2010 г. в Китай было экспортировано 16,4 млн. т угля и 3,5 млн. т железной руды. Экспорт из Монголии в Китай также включает сырую нефть, кожу, шкуры, козий пух и другую животноводческую продукцию. Кроме того, в последние 10 лет Китай занимает лидирующие позиции среди иностранных инвесторов. Его доля в иностранном капитале в Монголии составляет 51%.

В настоящее время в стране работают 5300 хозяйственных единиц с инвестициями из Китая на сумму в 2,4 млрд. долл. На льготные кредиты, представленные Китаем в 2011 и 2015 гг. в размере 280 567 млн. юаней, идет разработка цинка в Аймаке Сухэбатор.

Неуклонное расширение и развитие политических, торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей базируются на солидной правовой основе, составляющей более 100 действующих договоров и соглашений. В результате серии визитов монгольских руководителей в КНР и китайских в Монголию за 20 лет двусторонние отношения были подняты на качественно новый уровень стратегического партнерства.

В рамках треугольника эксперты разрабатывают транспортные «коридоры» :

- (1) Китай – Монголия – Тува;
- (2) Синьцзян-Уйгурский Автономный Район (СУАР) КНР – Западная Монголия – Алтайский край – Западная Сибирь России;
- (3) Внутренняя Монголия (АРВМ КНР) – Монголия – Иркутская область/ Восточная Сибирь РФ, а также и другие комбинации.

4. *Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС): российско-китайские аспекты сопряжения*

Решения саммита глав – государств в Астане (2017)⁶² обозначили радикальное качественное и количественное (за счет вступления Индии и Пакистана - до 8 постоянных членов Организации) усиление ШОС на евразийском пространстве. Особенно рельефно просматриваются направления, связанные *со сферой безопасности Организации*. Очевидно, что они (новые акценты) должны быть точно расставлены руководством ШОС в интересах всех ее членов, без перекосов на основе взаимного доверия и открытости.

Прием новых членов позволяет включить в фокус внимания ШОС не только традиционный регион Центральной Азии, но и Южную Азию. Подобное расширение рамок активности Организации, возможно, не всеми членами ШОС может приветствоваться. При этом особую актуальность приобретает соблюдение равноправных условий членства в Организации, которая превращается в гораздо более мощную силу в мировой политике, чем еще 3-4 года назад. Сохранение правила обязательного консенсуса в ШОС позволит малым странам чувствовать себя более уверенно в Организации.

62 Информационное сообщение по итогам заседания СГГ ШОС (Астана, 8-9 июня 2017) // Официальный сайт ШОС. – 09.06.2017 <http://rus.sectsco.org/news/20170609/289250.html>

Афганский фактор – после вывода американских войск из Афганистана и обострения ситуации в Сирии, в условиях расширения экспансии ИГИЛ и других экстремистских движений, велика вероятность дестабилизации обстановки в центрально-азиатском регионе в целом. Данная тенденция потенциально может отрицательно сказаться на реализации китайского проекта ЭПШП на отдельных его участках, включая и процесс сопряжения. Внешняя угроза экстремизма может дестабилизировать общее пространство ШОС, повлиять на внутреннюю обстановку в отдельных государствах Центральной Азии и сопредельных регионов, как входящих, так и не входящих в ШОС.

В условия неопределенности афганского фактора и других террористических вызовов, видимо, назрела необходимость осторожной *военно-политической эволюции ШОС*. Усиление силового компонента Организации будет выгодно всем государствам-членам. Развитие сложившихся институтов (РАТС, военные учения «Мирная миссия», совещания министров обороны) и создание новых форматов (миротворческого контингента, комитета по военному сотрудничеству) дает возможность повысить потенциал сотрудничества в рамках Организации. При этом в условиях углубления кооперации ШОС и ОДКБ целесообразным представляется сохранение сложившейся двухуровневой структуры региональной безопасности. Данная модель должна строиться исключительно на оборонительной доктрине защиты и упреждения внешних угроз безопасности и территориальной целостности стран-членов ШОС.

Аспект безопасности в зоне ШОС и в Евразии в целом, по словам известного эксперта-синолога И.Е.Денисова, является самым непроработанным, причем именно с этой стороны и возможны наибольшие риски. Они связаны не только с неопределенностью вокруг будущего Афганистана, активностью в регионе экстремистских сил, наркотрафиком и трансграничной преступностью, но и со сложными отношениями между самими государствами, лежащими вдоль ЭПШП, а также с политической нестабильностью в ряде этих стран.

Данный набор узких мест, похоже, многими не принимается во внимание, хотя одного взгляда на линии маршрута транспортных коридоров, пересекающих почти весь евразийский материк, включая Центральную Азию и Ближний Восток, достаточно, чтобы стало ясно, что авторы проекта должны были в первую очередь подумать о риск-менеджменте⁶³.

Экстремистская организация ИГИЛ (запрещена в РФ), - как отмечают многие китайские эксперты, - стала главной террористической угрозой, организацией, противопоставившей себя традиционному миропорядку последних десятилетий, наблюдается накал общей обстановки и учащение беспорядков на Ближнем Востоке, что стало благодатной почвой, благоприятным пространством для развития терроризма в общем и целом⁶⁴.

Проблема ядерного нераспространения – Центральная Азия является зоной свободой от ядерного оружия. Возможно, что для ШОС станет сложнее поддерживать инициативы в области нераспространения, сторонниками которых являются Россия и Китай. Индия и Пакистан, как известно, отказались в свое время от присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

С другой стороны, присоединение Индии и Пакистана к ШОС можно считать очередным шагом к созданию новой системы коллективной безопасности в Азии. Основные азиатские игроки, которые де-факто обладают ядерным оружием, стали находиться в составе одной организации, которая таким образом расширяет зону своей ответственности до южно-азиатского региона и Среднего Востока. При этом Организация, которая неофициально ориентируется (де – факто) на формирование «неамериканского

⁶³ Денисов И.Е. Пекин выйдет из тени по Шелковому пути/ [http:// www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315](http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315)

⁶⁴Ли Вэй Международная борьба с терроризмом должна стать более действенной и эффективной /«ЖЭньминь жибао онлайн». 11.01.2016 г.

мира» должна учитывать, что вступление Индии будут означать, в том числе, возможность косвенного влияния США (через Индию) на те, или иные действия ШОС. Однако, в условиях возможного частичного восстановления в ближайшей перспективе российско-американских отношений, данная тенденция (влияние США через Индию на ШОС), скорее всего, не выглядит критической.

Россию и Китаю так же беспокоят скрытые конфликты в отношениях ряда государств ЦА, вопросы территориального размежевания Каспийского моря, распределение воды и гидроэнергетических ресурсов.

Для ШОС сохраняют актуальность и «старые», традиционные вызовы и риски:

1) Поиск эффективных механизмов многостороннего торгово-экономического, инвестиционного, транспортного сотрудничества, значительно отстающих в развитии от двусторонних форматов политического взаимодействия.

2) Усиление кооперации в сфере региональной безопасности в свете вывода войск западной коалиции из Афганистана, нарастания афганского вызова, угроз со стороны движения «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

3) Создание Банка развития и Резервного фонда, включая и альтернативные варианты интеграции банковского капитала КНР в Евразийский Банк Развития.

Реализация повестки Организации в 2017 г., скорее всего, будет происходить в условиях обострения противоречий современного мира. Для России ШОС приобретает особую значимость. Фактически, речь идет об обновлении ее геополитики - формировании на основе инициатив расширенной Организации, а также развития проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и сближения / сопряжения с китайским «Шелковым путем» (ОПОП) нового, более сбалансированного и безопасного мира «Большой Евразии».

Расширение ШОС, произошедшее на саммите в Астане, изменило баланс сил в организации и дополнительно усилило позиции Индии в регионе. Москва, Пекин и Нью-Дели становятся своеобразными точками опоры Евразии, которые будут способны уравнивать разные темпы экономического развития стран ЦА, обеспечивать баланс внешнеполитических приоритетов участников и нивелировать настороженность малых стран относительно возможного роста экономической зависимости от одной конкретной державы.

Создание зон свободной торговли сопредельными государствами является одной из внешнеполитических установок текущего поколения лидеров КНР⁶⁵. Китайские эксперты на протяжении длительного времени указывают на экономическую целесообразность создания зоны свободной торговли в регионе ЦА. Профессор Лю Хуацзинь из Китайской академии внешней торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР отмечает, что имеющиеся правовые основы развития регионального экономического сотрудничества и существующие рабочие механизмы ШОС обеспечивают необходимые условия для создания ЗСТ.

Среди приоритетных для Китая направлений сотрудничества выделяются:

- усиление технико-экономического сотрудничества;
- создание благоприятных условий для торговли и инвестиций;
- повышение уровня исполнения достигнутых договоренностей⁶⁶.

После образования ЕАЭС перспектива создания ЗСТ в рамках ШОС трансформировалась в задачу по поиску новых форматов сотрудничества между экономиками отдельных государств, региональными организациями и интеграционными экономическими объединениями.

65 习近平主持中共中央政治局第十九次集体学习并发表重要讲话. 新华网, People's Daily Online. – 07.12.2014. <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1207/c64094-26161930.html>

66 Лю Хуацзинь. Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция, №3(4), 2009, с.110-116. <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-sozdaniya-zony-svobodnoy-torgovli-shos-raschety-problemy-i-perspektivy>

В рамках инициативы ОПОП наибольшую значимость для Китая страны Центральной Азии, поскольку они выступают в качестве первых регионов, через которые сухопутные коридоры ведут на Запад. Развитие приоритетных отношений с Москвой выгодно Пекину поскольку Россия обладает исключительной силой влияния на Центральную Азию и готова при этом обеспечивать крупные экспортные поставки энергоносителей для Китай экономики⁶⁷.

На данный момент у Китая нет соглашений о свободной торговле ни с одной из стран региона, и Китай заинтересован в развитии отношений с ЕАЭС и уже выстраивает многосторонние форматы сотрудничества⁶⁸. Со стороны ЕАЭС также есть понимание необходимости активизации сотрудничества с внешними партнерами. Среди приоритетных проектов важное место занимает сопряжение с ОПОП, а также углубление сотрудничества с ШОС. В июне 2016 года были запущены переговоры по разработке проекта Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР⁶⁹. В первом квартале 2017 года был согласован список инфраструктурных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁷⁰.

В конце 2017 – начале 2018 гг. сохраняется вероятность дестабилизации обстановки в Афганистане. Талибский фактор в условиях вывода американских войск из страны только усиливается, угрожая слиться с движением ИГИЛ. Сохраняется взрывоопасная и неконтролируемая официальным Исламабадом обстановка в зоне афгано-пакистанской границы. При этом включение Индии и Пакистана в ШОС теоретически может работать как на укрепление региональной безопасности, так и на ее расшатывание, учитывая незавершенный характер территориальных споров Дели и Исламабада. Многое в данном измерении (индийско-пакистанском в ШОС) будет зависеть от согласованной линии Москвы и Пекина в отношении новых членов Организации.

ШОС, как известно, по уставным документам не является военным блоком или военно-политической структурой, жестко сохраняя баланс между тремя основными направлениями деятельности – сферой безопасности, экономикой и гуманитарным трэком. Вместе с тем, в последние годы в России все чаще стали раздаваться голоса о необходимости «военной модернизации» Организации.

На усиление военного компонента работает институт ежегодных, совместных антитеррористических учений «Мирная миссия». В 2014 г. 24 – 29 августа 2014 г. были проведены очередные учения на территории Внутренней Монголии КНР, в которых участвовало 7 тыс. военных из КНР, РФ, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Узбекистан воздержался.⁷¹

В ШОС, как известно, действует Региональная Антитеррористическая структура (РАТЦ), институт регулярных совещаний министров обороны стран-участниц, встреч начальников генеральных штабов и пр. Среди экспертов РФ не один год обсуждается возможность / невозможность дальнейшей эволюции Организации в сторону усиления военно-политического компонента.

67 Юань Шэньюй Ван Вэйминь: ЭПШП и политика Китая в Центральной Азии // Мировая экономика и мировая политика – 2015. – №5. – С.21.

68 Ли Синь: Обзор и анализ экономических интересов Китая и России в Центральной Азии // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. - Шанхай - 2012. – №5. - С.48.

69 Ли Синь: Обзор и анализ экономических интересов Китая и России в Центральной Азии // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. - Шанхай - 2012. – №5. - С.48.

69 ЕАЭС и КНР готовы перейти к переговорам по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве // Евразийская экономическая комиссия, 27 июня 2016 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016-1.aspx>

70 Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов // Евразийская экономическая комиссия, 1 марта 2017 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>

71.Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014 – 2015. Рабочая тетрадь.- РСМД.- М.:Спецкнига. 2015.- 36 с.

В качестве первоочередной меры участникам ШОС следует, видимо, усилить правовую базу военного сотрудничества. Это будут договоры о взаимопомощи, которые гарантируют неприкосновенность границ, оказание взаимопомощи в случае военной угрозы. Эти договоренности будут давать гарантии безопасности странам Центрально-Азиатского региона, а так же станут своеобразной «страховочной мерой» перед надвигающейся внешней угрозой всему пространству ШОС.

Наряду с совершенствованием правовой основы ШОС необходимо принимать и военные меры, направленные на более полную реализацию уставных документов этой Организации. Необходимо создать в рамках Организации механизмы многостороннего военного сотрудничества по всему спектру центрально-азиатских проблем безопасности и обороны. Организация должна обладать не только способностью к осуществлению превентивных мер, но и к проведению, как минимум, всего спектра миротворческих операций (гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру и др. в соответствии с Уставом ООН).

Целесообразно инициировать вопрос об учреждении Координационного комитета по военному сотрудничеству (ККВС) в качестве постоянно действующего органа ШОС. Такой орган способствовал бы росту эффективности военно-технического взаимодействия, реализации программ развития вооруженных сил членов ШОС, повышению уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС. Но главным предназначением ККВС должно стать оперативное реагирование на угрожающие странам-участницам ситуации. На начальном этапе необходимо проработать вопрос о штатной структуре и системе управления таких сил, их апробацию в ходе совместных учений для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Основываясь на имеющемся опыте функционирования международных организаций по безопасности, не обязательно содержать в ШОС миротворческий контингент войск на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве Организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров и решения конкретных задач. Только таким образом, ШОС может превратиться в реальный фактор региональной и мировой политики. Следует ввести три компонента: а) усиление военно-политической составляющей, б) развитие договорно-правовой базы в сфере безопасности, включая неприкосновенность границ, оказание взаимопомощи в случае военной угрозы, в) совершенствование военно-политической структуры Организации»⁷².

Заметим, что доводы и предлагаемые меры А.Ф.Клименко, с одной стороны, чрезвычайно актуальны и необходимы с учетом текущего момента. С другой стороны, основным препятствием их полной реализации является даже не внешняя критика западных оппонентов о том, что ШОС неформально может превратиться в блоковую военную структуру.

Таким образом, в условиях экономических трудностей (западных санкций, неустойчивости валют и др.) для России проект ОПОП/ЭПШП в 2018 - 2020 гг. будет сохранять свою актуальность и экономическую целесообразность, развиваясь, скорее всего, в рамках «очаговой стратегии», т.е. реализации выборочных (точечных), наиболее важных на данном этапе (для РФ) проектов.

Очевидно, что в связи с наличием мощного китайского финансово-политического ресурса (Азиатского Банка Инфраструктурных Инвестиций и др.), проект ОПОП/ЭПШП, так или иначе, будет стимулировать развитие российского транспортного трека. Хотя здесь возможны технологические и маршрутные «нестыковки». При этом наличие определенных экономических противоречий не будет означать возможность возникновения принципиальных политических разногласий между

⁷²Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014 – 2015. Рабочая тетрадь.- РСМД.- М.: Спецкнига. 2015.- С.10-12

Москвой и Пекином. Ресурсы стратегического партнерства и сложившиеся институциональные механизмы двусторонних и многосторонних форматов с участием РФ и КНР не позволяют говорить об исключительно негативных сценариях.

Россия, будет использовать возможности китайских предложений с учетом своих национально-экономических интересов. Транспортное и инвестиционное измерения могут стать центральным на ближайшую и более отдаленную перспективу в плане практической реализации стратегии сопряжения.